

Вернувшись в учебный класс двора Цижуй, Е Мянью сел за свой стол у окна и какое-то время просто сидел в оцепенении. За две свои жизни он впервые получал подобное признание от мужчины, и это вызывало весьма странное, будоражащее чувство.

Спустя некоторое время Вэй Аньюань, Ли Чжао и остальные вернулись из столовой. Увидев его, они удивленно замерли, и кто-то спросил:

— Чего это ты так рано вернулся? Не стал упражняться в письме?

Е Мянью собрался с мыслями и с улыбкой ответил:

— Чжуан Сюй в последнее время занят делами, так что у меня выдалось несколько дней передышки.

Остальные не придали этому значения, а Вэй Аньюань и вовсе с радостью подсел ближе. Он по-свойски приобнял Е Мянью за плечи и принялся шутить. В последнее время Е Мянью в обеденный час постоянно убегал к Чжуан Сюю, из-за чего Вэй Аньюань чувствовал себя совершенно заброшенным. Если бы Жуань Юньшэн все время его не сдерживал, он бы уже давно закатил скандал.

Е Мянью спросил Жуань Юньшэна:

— А ты почему не в Палате хранения книг?

С тех пор как Жуань Юньшэн объявил о намерении сдать государственные экзамены и поступить на службу, он каждый день после обеда отправлялся в Палату хранения книг почитать. Поэтому Е Мянью и удивился, увидев его сейчас в учебном классе.

Жуань Юньшэн небрежно прислонился к подоконнику и с улыбкой ответил:

— Через несколько дней — Седьмой день седьмого месяца. В Палате хранения книг собираются сушить свитки, так что сейчас там вовсю смахивают пыль и пересчитывают книги. Мне не хочется находиться в этом шуме.

Е Мянью понимающе кивнул. Об этом обычае Великой Вэнь он знал: считалось, что в Седьмой день седьмого месяца Царь Драконов сушит свою чешую. В этот день небесные врата распахиваются настезь, и всегда светит яркое солнце, поэтому все книжники выносят свои свитки и книги просушиться.

Стоило заговорить о Седьмом дне седьмого месяца, как все оживились и принялись договариваться о том, чтобы вечером вместе пойти на улицу — посмотреть, как строят Ароматный мост, и погулять на празднике фонарей.

Е Мянью тоже было любопытно. В прошлом году, когда он только перенесся в Великую Вэнь, он пропустил праздник Циси. Он лишь слышал от служанок в поместье о том, как шумно и весело проходит Ночь орхидей в праздник Циси: на ярмарке Цицяо яблоку негде упасть, повозкам не проехать, а молодые девушки и замужние женщины толпами выходят на улицы. Даже благородные барышни, которые в обычные дни носа не казали за порог своих покоев, надевали тонкие вуали и в сопровождении родных отправлялись посмотреть на праздничную суету.

Ли Чжао с досадой хлопнул кулаком по ладони:

— И когда только матушка сговорит мне невесту? Я бы тоже хотел пригласить суженую

пускать речные фонарики. Стал бы я тогда возиться с вами!

Вэй Анъюань, которого так бесцеремонно отшили, фыркнул:

— Подумаешь! Будто я не знаю, что ты звал запускать фонарики ученицу из соседней женской школы, а она тебя...

Закончить он не успел: Ли Чжао с криком бросился вперед и зажал ему рот ладонью.

Е Мянью, Жуанью Юньшэнь и Вэнь Сюнь от удивления разинули рты. Опомнившись, они дружно оттащили Ли Чжао и, загородив собой Вэй Анъюаня, наперебой принялись расспрашивать:

— Кто, кто это? Что за барышня?

Ли Чжао, которого троица не подпускала близко, покраснел как рак и сердито пригрозил:

— Вэй Анъюань! Только вякни глупость — я тебе ребра пересчитаю!

Но Вэй Анъюань несколько его не испугался. Он весело рассмеялся:

— Да это же кузина из семьи моей второй невестки! Она теперь окольными путями пытается вывести у меня, из какого дома этот сумасшедший!

Друзья покатались со смеху. Ли Чжао от этого разозлился еще больше и, сгорая от стыда, сердито буркнул:

— Ну и что с того? Она просто пока меня не знает! Вот наступит Ночь орхидей в праздник Циси, я сам разыщу ее на улице. Увидит, какой я статный да удалой, и точно влюбится!

Жуанью Юньшэнь от хохота повалился на стол:

— Если эта барышня ценит лишь внешность, тебе точно нельзя ходить с нами. Не ровен час, кузина не взглянет на тебя, зато с первого взгляда влюбится в нашего красавчика братца Мянью. И тогда прощай дружба!

Класс снова взорвался хохотом. Ли Чжао от злости чуть не подпрыгивал. В конце концов он решил сорвать злость на Е Мянью: обхватил его рукой за шею, пригибая к полу, и в шутку пригрозил, что в праздничный день нацепит на него такую же вуаль, как у благородных девиц, и только тогда выпустит на улицу.

Подурачившись с друзьями, Е Мянью тут же выбросил из головы все неприятные мысли о князе Жуннэне.

После уроков он в прекрасном расположении духа вернулся домой. Но стоило ему спрыгнуть с экипажа, как его тут же перехватила пожилая служанка и спешно повела к госпоже Цю.

— Матушка!

Е Мянью закричал еще с порога, не дожидаясь, пока служанки поднимут занавес. Весь день не находившая себе места госпожа Цю услышала его голос, торопливо обулась, сошла с кушетки и, едва сын переступил порог, крепко прижала его к себе и залилась слезами.

Е Мянью не на шутку испугался. Увидев, что глаза матери опухли от слез еще сильнее, чем его собственные вчера, он почувствовал, как у него внутри все похолодело.

— Матушка, что стряслось? — с тревогой спросил он.

Госпожа Цю уселась, обнимая Е Мяня, и проплакала еще какое-то время, прежде чем сердито выдохнуть:

— Да что в доме может случиться! Это все ты, негодник, никак не дашь матери покоя.

Е Мянь захлопал глазами и принялся лихорадочно вспоминать, но так и не смог придумать, каких бед успел натворить в академии за последнее время.

Видя его невинное лицо, госпожа Цю в сердцах пару раз легонько стукнула его по спине, но тут же раскаялась и принялась заботливо гладить ушибленные места. Лишь спустя время она утерла слезы и произнесла:

— Мать заставила нашего Мяня перенести такую обиду! И почему ты, глупое дитя, не пришел ко мне излить душу, а плакал где-то один? Неужели ты так отдалился от матери?

При этих словах она расплакалась еще пуще, слезы покатились градом.

— Ты же мне прямо в сердце нож вонзил!

Е Мянь растерялся и поспешно вытащил платок, чтобы утереть ей слезы.

— Да вовсе я не отдалился, матушка, — пробормотал он в оправдание. — Просто вчера сгоряча не все понял. Это моя вина, я заставил тебя и старшего брата волноваться.

Госпожа Цю нежно приграда его к себе и принялась баюкать, словно маленького:

— Разве наш Мянь в чем-то виноват? Ты у меня такой славный! Это все твой отец, старый... — она осеклась, проглатывая привычную брань, и с досадой выговорила: — Все твой отец! Из-за своей дурацкой братской солидарности не мог сразу объясниться с твоим старшим дядей. Вот ты и наслушался всяких слухов. Пусть только вернется сегодня со службы — я ему устрою!

— Матушка, не сердись, это я сам все перепутал, — пропищал Е Мянь, утыкаясь носом ей в бок. — Решил, будто отец считает меня слишком балованным и хочет от меня избавиться.

У госпожи Цю от этих слов снова сжалось сердце. Она сердито сплюнула:

— Да как бы он посмел! Попробуй твой отец хоть заикнуться о подобном, я бы с ним в тот же день развелась! — Она погладила Е Мяня по волосам и мягко продолжила: — Твой отец и правда относится к тебе иначе, чем к твоему старшему брату. Я все вижу и знаю, как тебе обидно. Но как бы предвзят он ни был, ты — его плоть и кровь, его законный сын. Он никогда не посмеет пренебречь тобой.

Госпожа Цю перешла на шепот:

— Подумай сам: когда старший дядя заговорил о том, чтобы забрать тебя, твой отец принялся всячески избегать его и даже дома не ночевал. А теперь, когда дядя отступился, твой отец сам каждый день ходит на половину старшей ветви и предлагает им братца Цяо. Каким бы проказником ты ни был, для него ты особенный.

Е Мянь слегка вздрогнул.

— А как же пятый братец и Четвертая наложница?..

Госпожа Цю вытерла глаза и усмехнулась, мотнув головой в сторону двора:

— Четвертая и Шестая наложницы из-за этого уже готовы друг другу глотки перегрызть. Целыми днями шьют мне туфли, вяжут чулки да варят бульоны. У этих людей совсем иная доля, они не ровня нам. Так что не забивай себе голову пустяками.

Е Мянью все понял. Внебрачный сын, чье положение в семье мало чем отличалось от слуги, после усыновления вмиг превращался в законного первенца старшей ветви рода. Ради такой выгоды обе наложницы были готовы терпеть боль разлуки со своим дитя и биться до последнего, пусть даже сердце их обливало кровью.

Госпожа Цю оставила Е Мянью ужинать в главном дворе. Заместитель министра Е, прознав об этом, испугался и даже близко не подошел к супруге. Вместо этого он спешно отправился к старшему брату, умоляя того поскорее покончить с делом об усыновлении.

В последующие дни Е Мянью вел себя в академии на редкость смирно. Он прилежно учился каждый день, так что даже старик Сюэ, поглаживая бороду, разок его похвалил. Вот только в обеденный час Е Мянью больше не ходил заниматься в дворик Чжуан Сюя. Вместо этого он выпросил у старшего брата несколько прописей, выполненных стилем «тонкое золото», и каждый день усердно обводил их.

Чжуан Сюй тоже больше не искал с ним встреч. Однако в Седьмой день седьмого месяца прямо из императорского дворца в Императорскую академию Гоцзысюэ пришел устный указ: Е Мянью надлежало явиться во дворец на аудиенцию к Императору. Было сказано, что Император желает лично проверить, насколько преуспел юноша в каллиграфии под руководством князя Жуннаня.

Е Мянью шел во дворец впервые. К счастью, в академии их успели обучить основам придворного этикета, поэтому он без труда следовал за двумя шедшими впереди евнухами и не допустил ни малейшей оплошности.

Сопровождавшие его евнухи, один старый, другой молодой, выказывали ему должное почтение. Они привели его в приемную залу, и не прошло и нескольких минут, как навстречу выбежал молодой слуга-евнух. Он вполголоса предупредил Е Мянью, кто именно из благородных особ находится внутри, вкратце напомнил правила поклонов и повел за собой.

Опустив взгляд, Е Мянью вошел следом и степенно, в строгом соответствии с придворным церемониалом, совершил все положенные поклоны.

<http://bllate.org/book/18289/1753876>